

Владимир ПРОНСКИЙ

г. Москва

рассказы

СМЕРТНЫЙ БОЙ

Впервые они встретились на активе землячества: десантник и морпех. Десантник работал механиком на автобазе, примкнул к сообществу недавно, пообещав бесплатно отремонтировать служебный автомобиль, после чего сразу стал своим человеком. Тридцатипятилетний морпех, сотрудник известной торговой компании, имевший опыт работы в комсомоле, в землячестве считался завсегдаем, поэтому давно возглавлял молодёжную секцию. Он младше десантника на двадцать лет, но что значит разница в возрасте там, где нет званий и должностей. Поэтому их и называли запросто, по-свойски — как по именам: Десантник и Морпех!

Все, кто объединялся в землячества, ставшими модными лет десять-двенадцать назад, в столице оказывались по-разному: кто приезжал на работу, кто после учёбы, удачно женившись или выйдя замуж, навсегда оставался в Первопрестольной на зависть родным и знакомым из глубинки. Жизнь сложилась у каждого своя, но всех приезжих москвичей мучила ностальгия по оставленной малой родине. Поэтому любое упоминание

о ней тотчас навевало чувственные воспоминания. Новые москвичи всегда были необыкновенно рады встречам с земляками из родной области, не говоря уж о родном городе или селе. И Десантник с Морпехом не исключение.

Если во время первой встречи они лишь приглядывались один к другому, то во вторую начали подначивать, занявшись извечным спором десанта морского с десантом воздушным. Каждый представитель этих родов войск считал себя, несомненно, авторитетнее и готов был это доказать кому угодно. В этом и они не отстали от других. К концу встречи в офисе землячества, закончившейся традиционным застольем, вполне созрели для выяснений отношений и шутивно поборолись на руках, для начала согласившись на ничью. Когда же неожиданно выяснилось, что они родом из соседних сёл: Десантник — из Коммунара, а Морпех — из Борьбы, то всё изменилось, потому что между их сёлами жила старая вражда. До революции 1917 года названия они имели иные, но с приходом к власти большевиков религиозные названия от-

менили, церкви в них поломали, и всё это делалось неспроста, так как сёла эти когда-то стояли на Засечной черте, поэтому и получили расплату за казачье прошлое. Хотя к казакам их давно не причисляли, но дух государевых поселений, свободных от крепостного права, прижился твёрдо и навсегда, и какие бы перевороты и войны ни проносились по стране, какие бы реформы ни затевались — ничто не могло уничтожить в потомках горделивый дух. А где казаки — там и уклад жизни особый, не похожий на прилегающие районы. Там, к примеру, чужой человек пройдёт по иному селу и никто с ним не поздоровается, а в Коммунаре да Борьбе каждый добродетельно поклонится, даже дети и старики. И ещё отличались эти два села от окрестных традицией кулачных боёв. Вплоть до середины прошлого века на Крещение и Троицу сходились бойцы и мерились силой и ловкостью.

Десантник с детства помнил, как сшибались стенка на стенку. Зимой бились свои — один край на другой, а на Троицу собирались у пограничной речки Бродницы и ждали, когда из-за неё придут ловченые мужики из Борьбы. И едва те переходили мост, как обе стороны вступали в схватку. Начинали её подростки. Потом бились взрослые: молча, яростно, словно очередной бой был последним в жизни. В конце концов кто-то давал слабину, и тогда гнали дронувших с криками и улюлюканьем до центральной площади чужого села, чтобы там закрепить победу, а после всё-таки по-братски обняться и отметить праздник за общим столом. Десантник по малолетству не успел поучаствовать во взрослых сшибках, но разок напросился задраться на чужих пацанов и представлял, что это такое: ходить стенка на стенку!

Ежегодная та забава продолжалась до середины шестидесятых годов, когда в очередной сшибке погиб отец Десантника, но погиб случайно, из-за фронтальной инвалидности не участвуя в кулачках. В тот день он мирно ковылял центральной улицей Коммунара, когда его обогнали односельчане, оказавшиеся в тот раз в меньшинстве и спасавшиеся от преследователей из Борьбы. Подвыпивший отец не думал ни от кого хорониться, знай себе хромал, стуча протезом, размахивая спяну руками, и его, видно, приняли за коммунарского заводилу. Поэтому и шибанули попавшего под горячую руку. Отец

неловко хлобыстнулся затылком о голяш мостовой и остался лежать недвижимым. В тот же час его отвезли в районную больницу, где он через пять дней, не приходя в сознание, скончался. Следователи пытались найти виновного, но разве сыщешь того, кто в сваре кому-то хорошенько ввалил?! Бесплезное дело. А чтобы более не повторялась такая история, милиция стала жёстко пресекать любые попытки кулачных боёв. Даже конспирация бойцам не помогала, когда они несколько лет пытались тайно собираться вдаль от сёл, но и там их выслеживали: всех прочих разгоняли, а зачинщиков арестовывали и пятнадцать суток «остужали» в местных застенках. Но это тогда наказанием не считалось. Отсидев полмесяца на казённых харчах, они потом героями ходили по селу, любая деваха почитала за счастье пройти с таким «арестантом» после вечерки.

Теперь та молодецкая забава подзабылась, бывшие бойцы состарились и поумирали, молодежь разъехалась по городам. И если уж им приспичит по пьяной лавочке пободаться, то бодаются обязательно «на смерть», хотя прежде-то и слова такого никогда не произносили, берегли для настоящего врага, закордонного.

Да, со временем окончательно отучили враждующих от этой привычки, зато Морпех и Десантник сразу вспомнили старинный обычай, когда ехали по «серой» ветке метро домой: одному добираться до «Пражской», другому — до станции «Аннино». Когда они вошли в вагон, то заполнили его собой чуть ли не наполовину: оба крупные, плотные, с огромными ручищами, непомерно мордастые — в глаза посмотреть таким страшно! И не молчуны. Особенно словоохотливым оказался Морпех. По молодости лет он не мог участвовать в кулачных сражениях, но был хорошо осведомлён о них от своего отца — большого любителя в молодости ходить на кулачки в Коммунар.

— Он даже какого-то коммунарского мужика однажды до смерти зашиб! — похвалился Морпех, распалившись, вспоминая былые рассказы отца. — Правда, мужик тот колченогий погиб случайно: в схватке не участвовал, а попал на наших по дурости!

Десантник сперва не проникся смыслом похвалы, но когда Морпех ещё что-то добавил насмешливое, то сразу, теперь по-настоящему, вспомнил своего отца, и всё в Десантни-

ке перевернулось. Получалось, что он сегодня выпивал, а теперь дружески разговаривает с сыном убийцы отца?! Вот так случай! И когда он подумал об этом, то совершенно по-иному посмотрел на земляка. Тот заметил его свирепый взгляд, но, конечно же, не понял причины, а счёл вызовом, желанием потягаться силой. Что ж, он — Морпех, а морпехам не след увиливать от любых вызовов!

Из центра ехать минут двадцать пять, и этого времени им хватило, чтобы договориться о немедленном выяснении отношений.

— Чем, земляк, спорить, надо выйти на лобой станции и «пободаться»? Ты не против? — спросил Морпех.

— Запросто! — охотно согласился Десантник, вспомнив погибшего отца.

— Только бодаться будем насмерть! — предложил Морпех. — Согласен?

— Договорились! Хотя наши отцы бились до первой крови, а лежачих не трогали. Знаешь об этом?

— Знаю, но теперь прошли старые времена. Где выйдем?

— Давай на твоей «Пражской»!

Предложение биться насмерть Десантника не испугало, потому что заявлено оно было Морпехом сторяча, явно для красного словца. И он, конечно же, ничего не знал о давнишней потере Десантника. Да и, понятно, не собирались они убивать друг друга. Схлестнуться — да, это верно, если уж сошлись. Ведь где Коммунар с Борьбой сходятся — быть драке!

Болтливые до этого, они, обдумывая схватку, сразу замолчали, едва обозначив жёсткую задумку, до конца, видимо, не осознавая, в какую втягиваются затею. Но слово было сказано и принято, и отступать поздно. Им оставалось проехать два перегона, и оба эти перегона они не смотрели друг на друга. Лишь когда поезд начал тормозить и Десантник, которому надо было выходить через остановку, шагнул к выходу, неожиданно быстро протрезвевший Морпех спросил:

— Десант, ты чего? Серьёзно, что ли?

— Договорились же... К тому же не я предложил биться! Пойдём!

Морпех промолчал, вышел следом за пригнувшимся в дверях Десантником. На улице напомнил о себе:

— Ну и где тут биться — милиции полно?! — ос-

торожно спросил он, разругавшись от захлестнувшего волнения.

— На другую сторону Варшавки перейдём! Там темно и луговина широкая!

Морпех ничего более не сказал, лишь засопел сильнее. Они перешли шоссе подземным переходом, вышли на луговину, примыкавшую к улице, ведущей в Бирюлёво, и с асфальта ступили на мягкий и мокрый луг, раскисший от ноябрьских дождей.

Неподалёку стояли люди на автобусной остановке, и им, видимо, было невдомёк, зачем и куда направились два увесистых подвыпивших мужика, хотя могли предположить, для чего они ищут тёмное место. Но у этих что-то иное затевалось. Это сразу стало ясно, когда они бросили на луговину куртки и приняли боевые стойки. Если бы кто-то услышал их разговор, то вполне мог подумать, что два мужика шуткуют. А те и не думали ни о чём другом, кроме как о схватке.

— Начинай! — предложил Десантник. — Молодым везде у нас дорога!

И Морпех не заставил себя ждать. Махнул правой, левой, и Десантник едва успевал уворачиваться, чувствуя, как кулаки противника обжигают кожу на скулах. «Молоти, молоти, — подумал он, — ещё пару-тройку раз махнёшь, и прыть-то с тебя сойдёт! И останется тогда подловить тебя на очередном замахе...» Он даже представил, продолжая уклоняться от достаточно редких, но хлестких ударов и слегка пятась, как врежет противнику, как тот запрокинется и обмякшим мешком завалится на луговину.

Продолжая пятиться, Десантник в какой-то момент почувствовал, что сам оступился, и сразу попытался выпрямиться, но не сумел. Эта оплошность не понравилась. Ему показалось, что падает он неожиданно долго, даже и не падает, а куда-то мягко проваливается, успевая всё-таки подумать, что надо бы вывернуться, упасть не плашмя, а сгруппировавшись, чтобы сразу подняться и встретить противника новой стойкой. Чем дольше он падал, тем острее чувствовал, что не успевает сгруппироваться, не может сконцентрироваться и по-настоящему понять, что происходит, почему не может раскинуть руки и смягчить приземление на спину. «Наверное, так и отец думал, когда летел на булыжную мостовую, прежде чем хрястнуться...» Эта секундная мысль об отце пронеслась и забылась Десантни-

ком, потому что его тело не хотело слушаться. К тому же он не просто падал на спину, а запрокидывался, и уж новая мысль прожгла, когда вспомнил условие, что биться они будут насмерть. Морпех не виноват, что противник поскользнулся, он даже и спрашивать не будет ни о чём таком, не будет дожидаться слов о пощаде. И Десантник в отчаянии решил: «Теперь ногами забьёт!» И то ли от безысходности, то ли отпустив сознание в свободный полёт, подумал... Вернее, перестал думать, мысли его провалились в чёрную яму, а напоследок мелькнула другая мысль, радостная: «Вот и хорошо, что так — не больно будет помирать!» А следом резанула ещё одна: «Что же я так быстро сдался, кличу смерть раньше времени?! Ведь сразу-то всё равно не помру!»

В какой-то момент он даже чувствовал удары, но они казались совершенно безболезненными, на них реагировало лишь расслабленное тело, ставшее почему-то удивительно податливым. И Десантник решил, что действительно умрёт, если его тело чувствует удары, но не чувствует боли. Значит, уговор их исполнится! Что ж, всё по закону. За слова надо отвечать! Ему предложили, он согласился. Претензий нет и быть не может. Только показалось обидным делом погибать от сына убийцы отца.

Десантник не мог знать, сколь долго терпел удары, только чувствовал после короткого затмения, что чем дольше терпит их, тем более приходит в себя; он начал чувствовать боль, и она заставила напрячься, заслонить руками голову и бока и в какой-то момент попытаться подняться. Сразу это не удалось, с колен он опрокинулся от нового удара, но, уже падая, вдруг налился силой, окончательно вернувшееся сознание заставило вдогонку зацепить ногу Морпеха и подсесть его самого. Всё происходило автоматически, словно во сне или на тренировке, как в молодости. И тот грохнулся рядом и, видимо, приложился неудачно — так, что даже мягкая луговина не помогла. Какой-то доли секунды Десантнику хватило, чтобы приподняться и в прыжке подмять противника, оседлать его. Теперь тот распластался на спине, а Десантник в отместку за свою боль, в отместку за своего отца с правой и левой лупил по скуластому лицу как по боксёрской груше. От первых двух-трёх ударов Морпех увернулся, а от последующих лишь хрипел, сдерживая себя, чтобы

не сорваться на стон. Но всё-таки сорвался.

— Прости, Десант! — просопел он и только после очередного удара взмолился, даже не попытавшись скинуть с себя противника: — Хватит, сдаюсь!

Хотел Десантник напомнить о договоре «биться насмерть», но не стал размазываться разговорами, лишь, опять вспомнив отца, хрястнул напоследок по раскисшей от крови и соплей физиономии и подумал, что если бы бились действительно насмерть, то остался бы валяться Морпех на луговине бездыханным. Ничего не сказав поверженному и униженному противнику, хотя он сам себя унижил просьбой о пощаде, Десантник поднялся, подхватил валявшуюся куртку и молча пошёл к метро, где поймал частного, и через десять минут был у себя в квартире.

Не раздеваясь, в кухне попил из чайника, зашёл в ванную комнату, заглянул в зеркало и поразовался, потому что, кроме двух ссадин на скулах, вид у него был вполне приличным; правда, левый глаз, обозначенный понизу кровавым ободком, успел затечь. И по-прежнему всего колотило от непроходящего возбуждения, как от озноба. Жена сразу заметила суету и укорила, взглянув на него, хотя и знала его натуру:

— Опять, что ли, с кем-то сцепился?!

— Ничего страшного... — отмахнулся он, только-только заметив, что свитер на локтях и джинсы на коленках блестят от мокрой жирной глины. И ничего не стал объяснять.

А жена — спрашивать, зная, что всё равно ничего не услышит путного, лишь напомнила, подав домашнюю одежду:

— Иди под душ да переоденься, свинтус! Уж седой наполовину, а всё силой меряешься!

Она вроде бы поругала, но разве это ругань. На неё Люся просто не способна, потому что с юности знала, каков её муж. Она и познакомилась с ним в тот вечер, когда он отбил её от трёх подвыпивших хулиганов, от которых испуганная студентка спасалась чуть ли ни бегством. А он остановил их, как щенят раскидал, а после проводил её до дому и даже имени не спросил, а когда она полюбопытствовала, кто он, где живёт, стеснительно указал на окна светившегося неподалёку общежития автокомбината. Её это не смутило, она пригласила на чай, познакомилась с родителями, назвав его героем, а он в тот вечер страшно смущался, совсем не по-геройски.

Но потом привык к новым людям, а через два месяца женился на Люсе и переселился к ней, потому что её в нём всё устраивало. Иногда, правда, он любил потягаться силой, но первым ничего не затевал. Как тут будешь ругаться, если когда-то сама благодарила за спасение и называла героем?! Десантник это знал и пользовался её отношением. Вот и сейчас: так глянул на неё, когда она обозвала «свинтусом», что Люся мгновенно исчезла в дальней комнате.

Уединившись, Десантник немного успокоился, мало-помалу пришёл в себя, хотя недавняя схватка продолжала будоражить, а более всего — тот момент её, когда он ни с того ни с сего запрокинулся навзничь. И было непонятно: то ли сам пошатнулся, то ли Морпех послал в нокаут, и сделал это так ловко и умело, что родил в Десантнике мысли о собственной слабости. Если это так, то тогда и вовсе стыдоба, ибо никто в жизни не отправлял его в нокаут. Он просто не позволял это делать, действуя на опережение, используя силу и длину рук. А в этот раз, получается, позволил. Лишь одно радовало: хоть немного, но отомстил за отца! Это ведь тоже неплохо!

В ванной он разглядел себя и, помимо саднящей челюсти и заплывшего глаза, почувствовал боль в боках и, повернувшись к зеркалу, увидел выделявшиеся кровавыми прутьями рёбра, подумал: «Хорошо он меня отделал!» Но Десантник всё равно радовался, что пусть и с осечкой, но оказался победителем, хотя и не в смертельном поединке, но по-настоящему мужском, без скидок. Правда, чем дольше вспоминал «смертный бой», тем неприятнее становилось на душе. Получалось, что Морпех лупил ногами лежачего, как и сам он потом чуть не добил его, распластанного на лопатках. «Совсем мы гнилые стали, озверели, можно сказать, если уж своих лупцуем почём зря, без всяких правил!» — подумал Десантник. Огорчившись от этой горькой мысли, он не стал более накручивать себя, поспешно вышел к жене раскрасневшимся, ошалелым.

— Глаз-то припудри! — подсказала она. — А то скоро дети придут.

— Ловко придумала! Зачем из меня профурсетку-то делаешь?! — огрызнулся он и надолго замолчал.

Даже собравшиеся к ночи сын со снохой и внучкой-шестиклассницей не смогли отвлечь,

задавая лишние, как казалось, вопросы. Он всегда был словоохотлив с ними, а в этот вечер не мог взглянуть в глаза. Хорошо ещё, что жена успела выстирать джинсы и свитер, а то бы совсем стыдоба. Поэтому Десантник устроился спать пораньше, пока домашние суетились в кухне. И даже заснул, а когда пришла Люся, проснулся, но сделал вид, что спит, хотя знал, что теперь долго не уснёт от мыслей. А в мыслях всё то же: луговина, неожиданное падение и подмоченный вкус победы, казавшейся теперь неполной и почти случайной. Но как бы то ни было, он всё-таки победил, заставил противника просить пощады! Разве этого мало?!

Он, конечно, заснул, а проснулся с новой мыслью, будто всю ночь вынашивал её, а к утру она прорезалась, да так крепко запала в сознание, так прилипла, что от неё никуда не деться. Она подсказывала, гласила: надо ещё встретиться на луговине, чтобы чувствовать себя окончательным победителем. Или проигравшим. Это уж как повезёт, но в любом случае встреча должна состояться. И чем раньше, тем лучше. Но эта мысль в нём жила лишь до того момента, когда он еле-еле поднялся с постели, еле-еле разломался, а после тяжело добрался до работы, скрыв глаза за тёмными, не по сезону, очками. К этому часу мысли о Морпехе окончательно переменились. Он даже знал, что скажет ему при очередной встрече, как шутливо напомнит «смертный» бой, а после предложит хряпнуть по рюмашке, и поедут они домой настоящими земляками. И ничего более не будут вспоминать. Особенно он. Чего теперь травить душу, когда ничего не изменишь?! Через две недели намечалась новая встреча в землячестве, и новая их встреча пройдёт по совершенно иному сценарию. Теперь без дури. Хватит, намахались!

Всё бы так, наверное, и было, но через неделю Десантнику позвонила секретарь землячества и скорбно сообщила, что будут хоронить... Она назвала фамилию, а он не сразу сообразил, что услышал фамилию Морпеха!

— Что с ним? — спросил Десантник совершенно искренне.

— Его кто-то сильно избил недалеко от дома, когда возвращался с землячества!

Десантник от этих слов чуть не задохнулся, невольно спросил:

— Как же его угораздило?

— Он ничего не помнил... Вечером вернулся домой, ему вызвали скорую, и по дороге в больницу он впал в кому. Через пять дней скончался от обширного кровоизлияния... Так что, — она уважительно назвала Десантника по имени-отчеству, — приходите, пожалуйста, завтра к траурному залу больницы. — Секретарь продиктовала адрес, время начала церемонии.

Десантник не сразу осознал суть звонка, лишь почувствовал, как затряслись руки и ноги, тошнотворно закружилась голова. Получалось, что бой у них оказался действительно смертным. И кто теперь из них виноват, кто должен отвечать? Получалось, что только он, Десантник, оставшийся в живых. Хотя мог и не остаться. Но теперь это не важно. Теперь вся вина на нём, он — преступник! Теперь надо идти в милицию и заявлять на самого себя! От этой мысли он так изменился в лице, что, вернувшись в кухню попить, покрылся холодным потом.

— Чего такой бледный?! — спросила жена, словно у безнадежно больного.

— Сердце защемило! Земляк умер...

— Сейчас валерьянки накапаю! — засуетилась перепугавшаяся светловолосая Люся, сразу потемневшая лицом.

Десантник захотел тотчас всё рассказать и действительно отправиться в милицию, но пожалел жену, увидев, как она переполошилась; значит, видок у него был тот ещё. Он не стал противиться, выпил мутной жидкости, и жена проводила в спальню, оставила одного: мол, лежи, приди в себя.

Ночь он провёл в полудрёме, продолжая обкапывать в уме различные варианты действий, но окончательно ни к какому не прибился. Так и поднялся задолго до позднего рассвета душевно разбитым, не определившись. Находясь словно в угарном тумане, побрился, принял душ, надел чёрную рубашку, серый пуловер. Положил в карман паспорт. Пока возился, понял, что не сможет сегодня быть на похоронах. Сил не хватит смотреть на всё, что там будет происходить. Так что проведёт время в каком-нибудь пивном баре, отсидится, ещё раз всё обдумает. А в милицию всегда успеет. Да и с какой это стати он должен себя сажать?! Морпех ведь сам напросился и получил соответственно. «Конечно, жалко, что всё так закончилось. Но разве не жалко мне было хо-

ронить родного отца?! Разве не обидно было расти сиротой? Обидно! Ещё как обидно! И отец мой никого не трогал, а тут герой выискался, смертного боя ему захотелось! А ведь, наверное, у этого «героя» дети теперь остались сиротами, каково им будет?! И всё из-за чего? Из-за пьяной дури своего отца!» Десантник искал оправдание, которое помогло бы убедить себя и скрыть всё то, что произошло неделю назад, как это было ни противно. «Если бы искали, давно бы нашли. Ведь на автобусной остановке люди толпились! Наверняка кто-нибудь видел драку, да и трудно меня не заметить и не запомнить, когда я шёл ловить машину! Значит, никто не обратил внимания, что и неудивительно, если в нынешнее время у всех ко всему большое безразличие. А если кто-нибудь и заметил — не будет связываться с органами!» — продолжал размышлять Десантник, заодно обдумывая ситуацию. — Морпеху теперь ничем не поможешь, а каково будет перенести такой удар моей семье?! Жена с ума сойдёт! А сыну что скажу, снохе, внучке?! Как буду на суде смотреть им в глаза?! В общем, беда, да и только. И страшная беда, страшнее не придумаешь!»

— Поаккуратней будь на похоронах-то, если сердце вчера прихватило! — предупредила жена. — Не особенно увлекайся поминками-то. Тебе не тридцать лет!

— Постараюсь! — только и сказал он и подумал: «Знала бы ты, в какую историю попал твой свинтус, совсем по-другому говорила бы. И хорошо, что ничего не знаешь!»

Ему захотелось по-особенному расцеловать жену, милую терпеливую Люсю, с годами не растерявшую девичьей стройности, прижать к себе, почувствовать, какая она маленькая по сравнению с ним, беззащитная, сказать какое-то особое нежное слово, посоветоваться, но он и вида не подал, единым словом не обмолвился о своих переживаниях и сомнениях. Если всегда он делился с ней в трудные минуты, то сейчас не смог, язык бы не повернулся. Конечно, ему надо было ещё вчера собрать домашних и рассказать всё как есть, хотя и трудно это было бы сделать, заранее зная, как они отнесутся к его откровению. Ведь у всех высшее образование, а в его активе лишь курсы автомехаников. Поэтому его всегда учили во всём, а в этот раз и вовсе привязались бы. Сын — тот сразу пригвоздил бы: мол, давно предупреждал, чем закончатся отцовы выкрутасы... Но

что он, кандидат наук, понимает в жизни, что знает о своих предках, для которых честь превыше всего, и запятнаешь её хотя бы перед самим собой — это пятно будет всю жизнь чернеть в душе! Так что с ним всё понятно, тем более что он и внешне, и характером похож на мать-учительницу. Хотя Люся сразу ничего не сказала бы, а сперва замерла бы испуганно, обозвала свинтусом, убежала в спальню и, наревевшись, вышла оттуда в том состоянии, в котором от неё вообще не добьёшься ничего дельного. Сноха, работавшая менеджером, — та посмей и пооткровенней, вполне могла сказать, как к стенке припереть: «Чего уж, дед, иди и сдавайся! Может, снисхождение будет!» Да, всё так и было бы, а он не смог бы по-настоящему ни объяснить ничего, ни оправдаться перед домашними! Поэтому и промолчал вчера, а теперь, представив несостоявшийся разговор, превозмог сам себя, будто перешагнул черту, за которую было страшно даже заглянуть... Когда жена, собрав внучку, ушла с ней в школу, он позвонил на автобазу, предупредил, что идёт на похороны, и попросил не ждать его сегодня.

«И вообще пусть не ждут. Долго-долго!» Это заклинание родилось, едва он закрыл квартиру. В этот момент был готов ко всему, потому что всё, от чего мучился ночью, ища различные ходы спасения, — всё это настолько показалось противным, что он более не хотел об этом думать. Не хотел подличать перед собой, перед памятью отца, перед погибшим Морпехом, перед своей семьёй. «Всё, иду в отделение! — решил он, будто гвоздём проткнул себя. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать!»

У подъезда всё-таки поколебался секунду-другую, но повернул не к метро, а в другую сторону — к парку, за которым находилась милиция. Ноги, казалось, не шли, но он погнал себя, даже хмыкнул сквозь невольные слёзы: «Вот тебе, милоч, и смертный бой!» Когда оказался рядом с отделением, Десантник опять вспомнил семью, но остановиться не смог. Рывком, словно боясь, что передумает, рванул тяжёлую стальную дверь, на секунду задержался и поспешно захлопнул её за собой.

ПЛАЧ но ЗОЛОТОЙ ЕЖЕВИКЕ

Бывший военный, а теперь сотрудник охранной фирмы Алексей Логинов давно считал, что всё интересное с ним происходило в сентябре, в бабье лето. То он познакомится с интересным человеком, то поругается с братом, то... Таких случаев скопилось предостаточно, и он всегда задавался вопросом: почему это происходило в начале осени? Что, другого времени нет? И однажды понял почему: летом, когда у людей на уме отпуска и дачи, — не до выяснений отношений. Но вот съехались в город к началу занятий в школах, тут-то и начинались интрижки. Сразу вспоминались обиды, о которых забывали в течение лета, и помощником в этом становился домашний телефон, потому что по мобильному с дачи не особенно поговоришь. Что-то похожее произошло и с Логиновым в эту пору.

Да, с некоторых пор Алексей был на военной

пенсии, отслужив прапорщиком двадцать пять лет, а уволился одновременно со старинным другом, тоже прапорщиком, только старшим, — Володей Молодцовым. Оба устроились в охрану и стали работать по схеме: сутки через трое (они многое делали вместе, даже внешне были похожи: оба невысокие, коренастые). Своего загородного дома — так уж получилось — у Алексея не имелось. В середине девяностых годов он продал родительский дом, продал не из прихоти, а по необходимости. В ту пору по пустующим домам нещадно лазили, выгребали всё подчистую, не гнушаясь даже электрическими розетками. Надо бы, конечно, там жить, но связывала служба. Да и не наездишься за триста километров. А на природу, к деревенской жизни — влекло. Поэтому в последние годы Логинов частенько гостил у Молодцова, строив-

шего загородный дом. Строил долго, поэтапно, а начал эту эпопею ещё с началом перестройки. Служил он тогда на складах, и всё, что предназначалось к списанию, частенько оказывалось на его дачном участке, купленном под Павловским Посадам. Кирпичи, старое кровельное железо, доски, брёвна — ни от чего не отказывался, всё б/у тащил к себе. Через несколько лет почти весь участок загромоздил стройматериалами. Но всё лежало мёртвым грузом — не хватало финансов, чтобы начать строительство. Тогда сам начал потихоньку ковыряться. А однажды позвонил Логинову и спросил:

— В выходные свободен?

— Так точно! — немного дурачась, ответил Алексей.

— Приезжай ко мне на дачу... Позагораем, шашлычок вечером замутим! Можешь даже с женой, сына прихвати. Моя тоже будет. Чем не компания?!

— Можно, надо только с Люсей поговорить, — согласился Логинов.

А его Люся, как только услышала про шашлыки, сразу загорелась. В субботу с утра пораньше они и поехали. Езды-то всего ничего: до Павловского Посада электричкой, а потом до посёлка Игнатово на автобусе. Когда приехали, Молодцов тотчас всем нашёл работу: кто копал землю, кто равнял участок, а сам Молодцов с Логиновым и его сыном начали рыть траншею под фундамент будущего дома. В обед перекусили, и опять за работу, и жара им нипочём. Под вечер, когда все наломались, сходили на озеро, которое совсем рядом, искупались. Правда, Люся отказалась бултыхаться в таком болоте, как она сказала, хотя место оказалось живописным и вода вроде бы чистой, — рыба водится, даже, говорят, раки, — а потом вернулись на участок. Логиновы думали, что действительно вечером их ждут шашлыки, но Молодцовы устроили сюрприз, решили вспомнить деревенское детство и накормить печёной в костре картошкой. А что! Очень романтично. К картошке они открыли баночку-другую килек, нарезали огурчиков, лучка зелёного с грядки сорвали. Красота!

Мужчины были довольны, особенно когда выпили Володиной самогоночки, довольна и жена хозяина Тоня, на вид полноватая, но очень подвижная, даже шустрая. Только худая

и бледнолицая Люся загрустила, особенно когда начало смеркаться и появились комары. К тому же выяснилось, что все должны ночевать под пологом, одной стороной крепившимся к штабелю брёвен. Спали одетыми, в чём были. Логиновы проснулись чуть свет, а Молодцовы дрыхли и дрыхли, и комары им нипочём, а позже и разогревшиеся мухи. В общем, та поездка для жены Логинова оказалась первой и последней. Сам же Алексей продолжал ездить к Молодцову, даже завёз к нему удочки и иногда часочек выгадывал, чтобы посидеть у озера. Хотелось, конечно, подольше побездельничать, но неудобно перед другом.

Так продолжалось год-другой, а потом жена Молодцова устроилась в какую-то финансовую структуру, а в какую — не говорила, потянула за собой дочь, и вскоре они обе начали очень прилично зарабатывать. И сразу, как рассказывал Володя, заставили его по-настоящему заняться загородным домом, даже решили построить его более просторным: двухэтажным, с мансардой и подвалом во весь дом, да с гаражом. Это хорошо, чего же не построить, когда появились возможности. Володя и сам вкалывал, и Логинова... нет, не заставлял, но почему-то так получалось, что тот считал своей обязанностью помочь другу, с которым связывало общее детство. Только жалел, что Молодцов строился не на родной тульской земле, а то и вовсе бы было отлично. Но что есть, то есть.

Понимая, что вдвоём они много не сделают, тем более что отвлекала работа в охране, Володя начал нанимать рабочих, в основном гастарбайтеров. Как-то Логинов приехал, а они уж фундамент залили. Приехал через неделю — кирпичная кладка на метр поднялась. Вот это скорость! В общем, они вывели в тот год стены, крышу накинули, и Молодцовы финансово выдохлись, приостановили строительство, решив подкопить за зиму денег. Хотя сам Володя без дела не сидел. В начале осени его Тоня вскопала грядки под клубнику, откуда-то принесла и поселила рассаду, потом натыкала зубчиков чеснока, а сам Володя насажал яблонь, груш, несколько корней смородины и малины, купив их на рынке «Садовод». Принёс несколько кустов ежевики, доставшихся бесплатно, — в лесу накопал. Потом вдвоём с Логиновым за месяц они вырыли

пруд на участке, накачали в него из озера воды. И когда однажды Логинов отправился на рыбалку, Володя сказал:

— Возьми ведёрко... Если какой карасишко попадётся, в пруд запустим, на племя.

Логинов отправился ловить карасей, а Молодцов начал крепить на столбах сетку-рабицу, решив ею опоясать участок взамен старого штакетника. Когда Логинов вернулся и принёс десятка два карасей, плескавшихся в ведре, то Володя выпустил их в пруд, а приятеля похвалил:

— Молодец, ещё несколько раз сходишь, и на следующий год рыбалка обеспечена! Вот таких лаптей будем таскать! — и показал на свою крупную ладонь.

Логинов, конечно, понимал стремление друга завести обширное хозяйство, но хотелось и домой привезти несколько карасиков: показать Люсе, что, мол, не зря пропадает у Молодцова, да и кошку можно побаловать свежей рыбкой. Но нет, не удалось: Володя ни одного карася не оставил, даже для кошки. «Как-нибудь в следующий раз привезу!» — решил Логинов. Но когда через неделю позвонил Володя и вновь пригласил на рыбалку, то Логинову почему-то не захотелось ехать, и он сослался на неважное самочувствие, потому что знал: караси опять уйдут в Володин пруд. Всё это, конечно, мелочи, но всё равно после такой мелочи оставался на душе осадок. Остался и в этот раз, почти на всю зиму. Поэтому зимой друзья редко звонили друг другу.

Зато, как пригрело солнце, Молодцов вспомнил о Логинове, и опять они начали мотаться в Игнатово, где всегда находилась работа. Всякий раз что-нибудь красили, строгали, копали. И так всю весну, все выходные. Даже о рыбалке забыли. Володя вспомнил о карасях, только когда те начали метать икру. Тогда он где-то раздобыл бредень, и вдвоём они наловили ведра два нерестившихся пузатых карасей, среди которых попадались уклейки и даже окуни. Окуней Молодцов в пруд запускать не стал.

— Хищники мне не нужны... — расчётливо сказал он. — Кошке отдам, их чистить тяжело.

Кошку Володя завёл на даче специально, чтобы было всё по-настоящему, и хозяйство настоящее, а оно всё разрасталось. К началу

лета в доме стояла печка, настелили пол, пришили потолок, рабочие привезли и поставили пластиковые окна, двери из дуба. Выкопали колодец. Вскоре на берегу пруда появилась рубленая баня, в которой временно ютились рабочие. Пока был в отпуске, Володя жил на даче постоянно как охранник, боясь оставить дом беспризорным, потому что за работягами нужен контроль, а то и материалы растащат, и клубнику с малиной обдерут. А как отпуск у него закончился, то, по настоянию Тони, рассчитался и переселился на дачу основательно. Из дома привёз матрасы с подушками, постели, но пока спал на полу, так как кроватей не было. Решили с Тоней покупку мебели отложить до следующего года, потому что не хотелось покупать старьё. Главное — есть стены, крыша и всё остальное, чтобы жить. Даже установили электрическое отопление и тэн, чтобы была горячая вода для душа и кухни.

Когда более или менее обустроились, Тоня сказала мужу:

— Теперь, Вовчик, здесь надо жить круглый год!

— А ты, а дочь?

— Наша задача — деньги зарабатывать... Ты же сам всю жизнь стремился иметь дачу.

Её слова не понравились Молодцову. Он, конечно, и сам любил пропадать в Игнатове, но одно дело, когда по собственной воле, а другое, когда принуждают.

— А как же пенсия?

— Не волнуйся, за тебя получу. С банковской карточкой умею обращаться.

Сделав установку, Тоня теперь появлялась редко, и Володя жил на даче один, если не считать приезжавшего Логинова. Но у того тоже семья, иной раз Люся нет-нет да спрашивала: «Ну и как у вас идут дела?» — «Всё нормально, — отвечал Логинов, — потихоньку ковыряемся». Она, конечно, хотела бы приехать к ним на дачу, зная, что в доме можно ночевать, и побыть денёк-другой на свежем воздухе, быть может, даже искупаться, пока стояло тепло. Но Володя никого более не приглашал, да и на Логинова начал смотреть косо, особенно когда тот без спроса забрался за клубникой. Дело было так. Накануне Молодцов выгнал литра три самогонки для хозяйственной надобности, но они не удержались, пропустили

по стаканчику первача, потом добавили. В общем, захорошело. А на рассвете Логинов проснулся, чтобы прогуляться до будочки... Не удержавшись, сорвал ягодку-другую, чтобы промочить пересоший от первача рот, а глаза поднял — из окна Володя смотрит, будто и не спал. Смотрит и, наверное, считает, сколько гость ягодок смахнул... Неприятно сделалось Логинову от такой бдительности, а скорее жадности. Он, конечно, и прежде замечал прижимистость Молодцова, но это, казалось ему, была хозяйская прижимистость, потому что, когда строишься, каждая копейка на счету. Всё это так, но Логинову не понравилась слежка. С того дня он стал замечать, что Володя постоянно контролирует: сколько положил салата, сколько взял сахару. Логинов сперва думал, что ошибается в своём подозрении, что не может старый друг так вести себя, но однажды поверил самому себе. Как-то, обивая вагонкой одну из стен, Логинов выглянул в окно и увидел, что Володя стоит у кустов малины и, не спеша обирая её, бросает ягоды в рот. И Логинову тоже захотелось малины. Он вышел к нему, будто что-то спросить, а сам, спросив, принялся за ягоды. И сразу Молодцов развернулся, уводя от малины:

— Пошли, посмотрим, что там у тебя!

Они вернулись в дом, и Логинов указал на бракованную доску: мол, что с ней делать?

— Только и звал за этим? Отложи её и продолжай работу. Не тяни время!

Дав указание, Молодцов вернулся к малине и продолжил лакомиться. И Алексею так сделалось печально от всего этого, что расхотелось возиться с вагонкой, потому что помощь должна идти от души, от желания. А будет ли и то и другое после такого отношения?! И это, вспомнил Логинов, не первая Володина выходка. Месяц назад произошло что-то подобное. Пока был в отпуске, Молодцов подвозил Алексея до остановки автобуса на машине, и в тот раз собирался, но оказалось, что у машины спущено колесо. Тогда Логинов не придавал этому значения, а теперь вспомнил, что часа за два до своего убытия случайно увидел, как Молодцов выкрутил золотник из колеса, дождался, когда оно спустится, и закрутил золотник. Позже, когда собрались к автобусу, неожиданно огорчился:

— Придётся тебе, Лёш, пешком бежать. Видишь — прокол, и запаска пустая!

Да, тогда Логинов ничего не понял, на автобус опоздал, а чтобы не опоздать на электричку, остановил подвернувшееся такси. Сегодня же, когда не удалось полакомиться малиной, не стал дожидаться вечера, а, ещё немного поболтавшись по чужому дому более для виду и ничего не объясняя, собрался в Москву. Уехал и недели две не показывался. И не звонил Молодцову, и тот не соизволил. А через три недели как с цепи сорвался, звонками замучил: приезжай да приезжай в ближайший выходной! Мол, ещё машину вагонки привезли, будем второй этаж обшивать. А Логинову ехать не хотелось. Впервые не лежала душа.

Душевная борьба в Алексее могла бы длиться не один день, но разве можно отвязаться от Молодцова?! К тому же Володя ускорил её завершение, когда обронил фразу, сказав, словно для приманки: «Ежевика поспевает». Двух слов Алексею хватило, чтобы сам собой возник коварный план, после исполнения которого, возможно, совсем по-иному пришлось бы смотреть на отношения с другом.

Логинов поехал в Игнатово в следующий выходной, а как приехал, Володя сразу повёл на второй этаж, начал объяснять, с какого угла шить вагонку. Объяснив, спросил:

— Всё понятно?

— Так точно! — машинально согласился Алексей, потому что более думал о своей задумке, осуществить которую пока не знал как.

Но неожиданно сам Молодцов помог.

— Так что времени не теряй: переодевайся и вперёд! — сказал он как приказал. — А я в строительный магазин смотаюсь, надо лак посмотреть.

Молодцов завёл «Ниву» и уехал, а Логинов и не думал приступать к работе. Его другое интересовало: ежевика! По-настоящему созрела или Володя для красного словца сказанул?! Отправившись к разросшимся за лето зарослям, Логинов действительно обнаружил спелые ягоды, похожие на малину, тёмно-сизыми подвесками разукрасившие низкорослые колючие кусты. Кусты чувствительно кусались, но Логинову спешить было некуда, да и не хотелось отступать, не завершив задуманного. Он терпеливо обирал сладкие ягоды, почти

чёрные снаружи и кровавые внутри, и делал это, понятно, без разрешения. Но теперь оно ему было не нужно. Потому что его план именно в этом и заключался, именно для этого он и приехал сегодня к Молодцову, чтобы частично вернуть свой труд, хотя цена всех ягод не стоила и тысячной доли того, что он отдал другу. Но даже если ягоды были бы действительно золотыми, то и в том случае Логинов имел на них полное право. Поэтому он ел ягоды и ел. К тому же оказалось, что их не так уж много — всего-то горсти две-три. Но радость копилась не от их количества, а от предвкушения ожидаемого эффекта.

Добрав последние ягоды, Логинов отправился к беседке, где между баней и берёзой болтался на ветру гамак. Забравшись в него, он выстругал из веточки зубочистку и начал чистить зубы от застрявших зёрнышек ежевики. Чистил не спеша, рассматривая небо, которое, оказывается, в Игнатове такое высокое и голубое, и круживших в поднебесье стрижей, удивляясь их ловкости. Когда же на руку опустилась тёмно-бордовая бабочка в оранжевых пятнах, то Алексей застыл, боясь спугнуть её, и долго наблюдал, как она шевелит изогнутыми усиками... Всё-таки хорошо иметь дачу! Разве в городе это всё увидишь?!

Пока он рассматривал бабочку, вернулся

Молодцов и сразу направился в дом, но, не обнаружив Логинова, вышел, огляделся и заторопился к нему.

— Что случилось-то? — спросил чуть испуганно, не ожидая увидеть друга в гамаке.

— Да ничего... Зубы чищу от ежевики. Вкусна, зараза! Весь день ел бы и ел!

Молодцов молча развернулся и чуть ли не побежал к кустам. Взглянув на ежевику, вернулся к Логинову едва не плача, будто ежевика была действительно золотой.

— Катись вон! Чтобы духом твоим тут более не сквозило! — побледнев от злости, рывкнул он с такой ненавистью, что дай ему волю, растерзал бы Алексея.

Логинов же молча сполз с гамака, кинул за спину подготовленный рюкзак с Люсиными бутербродами и пошёл к калитке. Думал, что Володя одумается, окликнет, но нет. Ничего похожего. И Алексей не стал оглядываться. Чем дальше уходил от дачи Молодцова, тем легче и спокойнее становилось на душе. Тем более что, судя по всему, начиналось бабье лето, а в эту пору с Логиновым всегда что-нибудь происходило особенное. А хорошее или не очень — от него обычно не зависело.

Это уж когда какая масть ляжет!

□

Владимир ПРОНСКИЙ

родился в г. Пронске (Рязанская обл.) в 1949 г.

Автор романа-трилогии «Провинция слез»,

романов «Племя сирот»,

«Три круга любви», «Казачья Засека»,

книги избранных рассказов «Легкая дорога».

Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Москва»,

«Наш современник», «Север», в коллективных сборниках.

Лауреат премии имени А. С. Пушкина,

Международной литературной премии имени А. Платонова.

Член Союза писателей России.

